

Калиев Азамат Сайитович

канд. полит. наук, доцент

Султанова Акмарал Токоевна

старший преподаватель

Международный университет им. К.Ш. Токтомаматова

г. Манас, Кыргызская Республика

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫЗОВЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

***Аннотация:** в статье исследуется вопрос влияния историко-культурного наследия на формирование внешнеполитической идентичности государств Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) в постсоветский период. Анализируются духовно-нравственные ценности как компенсаторный механизм кризиса идентичности после 1991 г., роль тюркско-исламского синтеза и сохранение родовых структур. Выявлена интегративная функция культурных кодов в легитимации власти и региональной политике. Подчеркнута геополитическая специфика региона как перекрёстка цивилизаций.*

***Ключевые слова:** внешнеполитическая идентичность, Центральная Азия, историко-культурное наследие, постсоветский период, тюркско-исламская цивилизация, духовные ценности, национальное строительство.*

***Введение.** В контексте речь идет не столько о «возрождении» национальной идентичности, сколько о преемственности процессов национального строительства, корни которого уходят в глубь истории. Общая историческая судьба, культурная взаимосвязь, традиции исламской цивилизации и тюркского наследия стали объединяющими факторами, способствующими формированию специфических моделей внешнеполитической самоидентификации государств региона. Эти аспекты актуализируют необходимость глубокого научного анализа роли национального самосознания и духовно-исторического наследия в процессе выработки внешнеполитического курса стран Центральной Азии.*

Целью настоящего исследования является выявление механизмов влияния историко-культурного фактора на формирование внешнеполитической идентичности пяти государств Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана – в постсоветский период. Центральная Азия в постсоветский период стала ареной интенсивных политических, социальных и культурных трансформаций. Освободившись от идеологического и административного контроля Советского Союза, республики региона начали активно искать новые ориентиры развития. На этом фоне особое значение приобрели духовные и культурные факторы, которые, с одной стороны, способствовали формированию новой идентичности, а с другой – обострили внутренние противоречия, ранее скрытые под единой советской идеологией. Эти процессы протекают в условиях уникального геополитического положения Центральной Азии, формируя особую духовно-культурную специфику региона, оказывающую существенное влияние на его общественно-политическое развитие. По мнению многих исследователей, духовность охватывает одну из уникальных сфер жизнедеятельности человеческого общества, называемую духовной культурой. Уровень развития духовной культуры любой страны измеряется количеством создаваемых духовных ценностей, масштабом их распространения и глубиной освоения их людьми [6, с. 168].

Период после 1991 года ознаменовался в Центральной Азии не только политической независимостью, но и кризисом идентичности, необходимостью переосмысления исторического прошлого, духовных ориентиров и социокультурных оснований государственности. Распад советской системы сопровождался утратой прежних идеологических основ, экономическими потрясениями, ростом социальной нестабильности. В этих условиях именно духовно-нравственные ценности – такие как коллективная память, традиционные нормы, культурные символы и религиозное самосознание – начали играть роль компенсаторного механизма, обеспечивая внутреннюю устойчивость обществ. Эти ценности не только поддерживали социальную целостность, но и выступали основой для легитима-

ции власти в новых условиях, где формальные институты государства еще не обрели устойчивость. Таким образом, духовные основания выполняли интегративную функцию, соединяя различные слои населения на основе общих историко-культурных кодов [2. с. 220].

Центральная Азия испокон веков находилась на пересечении мировых цивилизаций – иранской, тюркской, китайской, арабской и русской. Это геополитическое положение обусловило её роль как связующего звена между Востоком и Западом, севером и югом, а также как пространства межкультурного диалога и синтеза культур. На протяжении веков здесь проходили важнейшие торговые пути, в том числе Великий шёлковый путь, способствуя интенсивному обмену не только товарами, но и идеями, религиями, языками, образами мышления. В результате в странах региона сформировалось сложное этнокультурное многообразие, включающее тюркские, иранские, монгольские, славянские и другие элементы. Именно это разнообразие стало одновременно и богатством, и источником внутреннего напряжения в новых условиях национального строительства. Отсюда – особая роль духовного наследия, которое служит основой для формирования коллективной идентичности и поиска общих смыслов в условиях поликультурности [3. с. 188].

В советский период многие формы традиционной самоорганизации – родовые, племенные, клановые – были искусственно подавлены в пользу единой советской идентичности. Однако, как подчёркивает исследователь Б. Румер, именно эти архаические структуры стали естественным резервуаром сохранения национальной самобытности и духовных ориентиров [4, с. 254]. В условиях постсоветского вакуума идентичности они вышли на передний план, заняв важное место в политической, социальной и экономической жизни.

Примером может служить Кыргызстан, где наряду с известным разделением на север и юг сохраняются устойчивые субрегиональные и племенные различия – такие как саяк, бугу, солто и др. Эти различия влияют не только на политические предпочтения, но и на формирование административных кадров, экономические

связи, распределение ресурсов. В Таджикистане и Узбекистане сохраняется влияние региональных (вилаятских) и кланово-территориальных структур, таких как фархорцы, худжандцы, самаркандцы, ферганцы. В Туркменистане племенная принадлежность – текинцы, йомуды, эрсары и др. – продолжает играть важную роль в социальной стратификации и системе государственной власти [4, с. 254]. Эти процессы показывают, что духовная идентичность в регионе не может быть редуцирована лишь к понятию национальности – она многослойна, включает в себя региональные, этнические, родовые и религиозные компоненты.

Осознание единой историко-культурной судьбы народов Центральной Азии нашло отражение и на политическом уровне. В частности, на встрече президентов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в Ташкенте в январе 1993 года было принято решение использовать термин «Центральная Азия» вместо советского «Средняя Азия» [1, с. 312]. Этот шаг был символическим жестом, обозначающим стремление к выработке общей региональной идентичности, признанию общих ценностей и традиций, лежащих в основе современного взаимодействия между государствами региона.

Заключение. Духовные и культурные основания общественно-политического развития Центральной Азии играют ключевую роль в процессе трансформации региона. Они выступают не только как фактор сохранения социальной стабильности в условиях кризиса постсоветской идентичности, но и как ресурс для построения новых моделей интеграции и сотрудничества. Геополитическая специфика, историческая миссия региона как перекрёстка цивилизаций, а также сохранение родовых и субэтнических структур формируют уникальную среду, в которой формируется современная политическая культура. Осознание значения этих факторов становится необходимым условием как для внутренней устойчивости государств Центральной Азии, так и для разработки эффективной региональной политики. Без глубокого анализа духовных оснований невозможно ни выработка долгосрочных стратегий развития, ни создание подлинно устойчивой и инклюзивной политической системы в условиях сложного этнокультурного ландшафта.

Список литературы

1. Абдуллаев А. История и культура народов Центральной Азии / А. Абдуллаев, Т. Исмаилов. – Алматы, 2010. – 312 с.
2. Дьяков В.В. Государственность и национальная идентичность в постсоветской Центральной Азии / В.В. Дьяков. – М., 2015. – 220 с.
3. Каменский С.Г. Геополитика и этнические процессы в Центральной Азии / С.Г. Каменский. – СПб., 2013. – 188 с.
4. Румер Б. Постсоветская Центральная Азия: традиции и современность / Б. Румер. – М., 2007. – 254 с.
5. Смит А.Д. Национализм и региональная идентичность в Центральной Азии / А.Д. Смит // Вестник международных исследований. – 2011. – №4. – С. 2–15.
6. Трофимова Н.П. Духовная культура и общественное развитие: теоретические подходы / Н.П. Трофимова. – М., 2012. – 168с.